

ННТДАНОМ М Е М У А Р Ы Е П О Д Г Р И Ф О М И 902V501M9HNTDV
3F5789N1DV501M02NU < С Е К Р Е Т Н О > WTEG3F5789HNR5G3F5789V501

ВЛАДИМИР ВИНОГРАДОВ

НАШ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

ЗАПИСКИ СОВЕТСКОГО ПОСЛА В ЕГИПТЕ И ИРАНЕ

Мемуары под грифом «секретно»

Владимир Виноградов

**Наш Ближний Восток. Записки
советского посла в Египте и Иране**

«Алисторус»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Виноградов В. М.

Наш Ближний Восток. Записки советского посла в Египте и Иране
/ В. М. Виноградов — «Алисторус», — (Мемуары под грифом
«секретно»)

ISBN 978-5-906817-76-1

Летом 2015 года в результате длительных переговоров было достигнуто историческое соглашение по атомной программе Ирана. Осенью 2015 года начались наши военные действия в Сирии. Каковы причины антииранских санкций, какова их связь с распадом СССР? Какой исторический фон у всех событий на Ближнем Востоке в целом и в Сирии в частности? В своих воспоминаниях В.М. Виноградов дает исчерпывающие ответы на эти и многие другие вопросы, связанные с современной ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Владимир Виноградов, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Египте во время войны Египта и Сирии с Израилем (1973) и в Иране во время Исламской революции (1979), являлся в Союзе одним из главных специалистов по Ближнему региону и, безусловно, ключевым игроком в этих важнейших событиях нашей истории.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906817-76-1

© Виноградов В. М.
© Алисторус

Содержание

Часть первая	7
Самолет идет на юг...	7
Посольство СССР	10
Первые шаги	12
Шах	14
Перед концом	24
Шахская семья	27
Ховейда	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Виноградов

Наш Ближний Восток. Записки советского посла в Египте и Иране

© Виноградов В., 2016

© ООО «Издательский дом Алгоритм», 2016

* * *

Кому нужна война в Иране

«Надо убить президента Обаму!» – с этим радикальным предложением выступил в редакционной статье главный редактор и владелец еврейской газеты в Атланте, Atlanta Jewish Times, Эндрю Адлер. Чтобы спасти Израиль, пишет он, премьер-министр Нетаньяху должен приказать агентам «Моссада» в США «замочить» (take out) недружественного Израилю президента Обаму, чтобы его место занял дружественный вице-президент и ликвидировал врагов еврейского государства. А именно – Иран, Хизбаллу, Хамас. Адлер призвал ударить по этим «трем врагам Израиля» незамедлительно. Его слегка завуалированный призыв к убийству президента возмутил многих. «Это уже перебор», – сказали еврейские организации. О таком вслух не говорят. В ведущей израильской газете «Гаарец» комментатор сказал, что ненависть к президенту Обаме, вызванная его нежеланием ударить по Ирану, – нередкое явление среди американских и израильских евреев. Адлер извинился, а затем и передал бразды своему заместителю и выставил газету на продажу.

Президент Обама активно действует против Ирана: вводит санкции, боевые корабли вошли в Персидский залив, и все же этого мало для его оппонентов – республиканских претендентов на пост президента и для людей вроде Адлера. Но это слишком много для альтернативной Америки.

Альтернативная Америка однозначно против войны с Ираном. В первую очередь из соображений солидарности с глобальным Югом, со странами «третьего мира», но она подкрепляет это и практическими аргументами.

Война с Ираном приведет к резкому подорожанию нефти и ударит по карману рядового американца и европейца. Она может и привести к мировой войне, считают они. Американская блогосфера отметила слова Дмитрия Рогозина о том, что «любой конфликт вокруг Ирана является прямой угрозой безопасности России», и поняла их как штормовое предупреждение Америке. А тут еще вдобавок китайский генерал Чжан Чаочон сказал, что Китай будет защищать Иран, хоть бы это обернулось третьей мировой войной.

Позиции России и Китая – ключевые. Одно дело – отбомбиться по стране в изоляции, как Ливия или Ирак, совсем другое – ввязаться в войну, где противника поддерживают Китай и Россия. Такой опыт у США есть, его имя – Вьетнам, и ни малейшего желания его повторить не появилось. Сегодня Россия, видимо, не станет воевать за Иран, но развитие событий может ее вынудить. Так считает русский политфилософ Александр Дугин. Если война за Иран охватит Закавказье и Среднюю Азию, России придется вмешаться. Понимая эту опасность, американцы жмут одной ногой на газ, а другой – на тормоз.

Другой важный фактор против войны – американская общественность к ней не готова. Если войны в Афганистане и Ираке пользовались поддержкой народа, против войны в Иране выступает большинство. Неубедительной оказалась недавняя попытка создать казус белли,

обвинив Иран в попытке убийства саудовского посла в США, – слишком сомнительным оказался предполагаемый наемный убийца – торговец подержанными автомобилями.

Третий фактор против войны – армия не стремится к сложной и опасной кампании. Пока американские войска стояли в Ираке, велика была опасность, что они окажутся в западне среди шиитов Ирака и Ирана и пострадают первыми. После вывода войск из Ирака сухопутная операция становится почти невозможной. Поэтому в вооруженных силах предпочитают подождать, пока санкции ослабят Иран, или использовать флот и десантников для проведения рейдов, избегая большой войны. Но и флот опасается, как бы не оказаться в ловушке Персидского залива.

Почему же, несмотря на эти веские доводы против войны, какие-то силы тянут Америку на конфронтацию с Исламской Республикой?

Альтернативная Америка предлагает несколько возможных ответов:

- влияние израильского лобби;
- стремление корпоративной Америки установить полный контроль над миром;
- стремление корпоративной Америки овладеть ресурсами нефти на планете;
- торговля нефтью как финансовая основа доллара;
- геополитика – сдерживание России и Китая.

Официальное объяснение, господствующее в мейнстриме, – иранская ядерная программа – не пользуется популярностью, в него мало кто верит из альтернативно мыслящих американцев. В первую очередь потому, что несколько лет назад они слышали все то же самое применительно к Ираку. «В руках Саддама Хусейна – страшное оружие массового уничтожения», – твердили массмедиа и ведущие политики в Вашингтоне и Лондоне. Ирак был завоеван, разрушен, миллион иракцев погиб – но ОМУ так и не было найдено. Поэтому сегодня, когда истеблишмент говорит об иранской атомной угрозе миру, американцы нервно позевывают... и ищут другое объяснение.

О том, как зарождалось противостояние Исламской Республики Иран и США, рассказывает эта книга.

Израэль Шамир

В Иране мне пришлось проработать послом СССР более пяти лет: с февраля 1977 г. до апреля 1982 г. Случилось так, что эти годы оказались историческими для Ирана – в феврале 1979 г. в результате революции была свергнута монархия, существовавшая в стране более двух с половиной тысяч лет. Два года – день в день – я проработал при шахском режиме, немного более трех лет – при республиканском исламском правлении. Исторические события весьма редко кому случается видеть как бы изнутри. Трудно, находясь в водовороте событий, сохранять холодный ум, вести спокойный анализ того, что происходит, если к тому же появляются большие служебные заботы. Поэтому то, что далее написано, скорее фиксация того, что ярче всего отложилось в памяти о жизни и работе в Иране, от встреч с различными деятелями. Естественно, что за пределами книги осталось больше интересных моментов и деталей, чем тех, что могли уместиться на ее страницах. Автор не преследовал и цели изложить свой скрупулезный анализ явлений – это предмет отдельной работы.

Тем не менее наблюдения очевидца событий, хотя, возможно, и небеспристрастного – испытывающего симпатии к иранскому народу, могут оказаться полезными для целей истории.

В. Виноградов

Часть первая

Самолет идет на юг...

10 февраля 1977 года. Кавказские горы сверху величественны: на темно-синем фоне в ярком солнце блестят снега вершин. Насколько глаз может охватить, они повсюду, проплывают вздыбленные пики, ущелья видны редко. Невольно представляется географическая карта: где-то слева закрытое облаками величайшее в мире озеро – Каспийское море, а впереди – незримая линия границы. Ровным гулом моторов наполнена кабина. Изредка что-то позвякивает. Самолет идет на юг, в Тегеран – столицу Ирана, южного соседа нашей страны.

Полет длится немного – всего три часа двадцать минут. Однако есть время поразмыслить...

Российским послам в давние времена требовались месяцы, чтобы достичь Персии, как тогда назывался Иран. Следовали туда сначала из Москвы, позднее из Петербурга конным путем до Нижнего Новгорода, затем на стругах по Волге и Каспию, далее вновь на лошадях через Эльбурский хребет, тянущийся вдоль южного побережья Каспия, в глубь страны, лежащей на высокогорном плато, спускающемся на юг к Персидскому заливу. Тогда путешествия занимали недели. Сейчас несколько часов.

В XVI веке послы прибывали на небольшое, но неопределенное время с большой свитой, охраной, богатыми подарками. Чем многочисленнее и родовитее свита и дороже подарки – тем большее значение придавалось посольской миссии и оказывалось уважения. Послы выполняли цареву поручение, ждали шахского разрешения отправиться обратно.

История отношений нашей страны с Ираном сложная, знавшая периоды расцвета и застоя. Одним из первых актов советской власти в декабре 1917 года было опубликование секретного англо-русского договора 1907 года о разделе сфер влияния в Персии. С политической неравноправности к Ирану было покончено. Вскоре, в 1921 году, был заключен Договор о дружбе. Советское правительство безвозмездно передало Ирану все концессии и имущество прежней России на территории Ирана, отказалось от привилегий, которыми пользовались русские подданные; были заложены основы подлинного, равноправного добрососедства.

Но часто действовали внешние факторы – слишком привлекателен Иран для внешних сил: непосредственная южная граница с Советским Союзом протяженностью около 2,5 тыс. км, большие природные богатства в недрах – нефть.

В планах Гитлера Ирану отводилось особое место. Если бы удалось захватить Советский Кавказ, Иран стал бы опорным пунктом для проникновения фашистской Германии в Азию. Если бы... Но Красная Армия разбила гитлеровцев на подступах к Кавказу. Иран внес свой вклад в дело разгрома гитлеризма: через Иран поступали военные и другие столь нужные для советско-германского фронта грузы. Многие иранцы законно гордились, называя свою страну «мостом победы». В Тегеране осенью 1943 года встретились главы союзных держав – СССР, США и Англии – Сталин, Рузвельт и Черчилль. Они приняли важные решения, ускорившие достижение общей победы.

Бурную историю переживала страна и после войны. Честолюбие шаха искусно подогревалось из-за океана, американский капитал усиленно проникал в иранскую экономику.

Однако чувство реальности у иранских правителей время от времени брало верх. Наступили периоды улучшения в отношениях с Советским Союзом.

В начале 70-х годов «нефтяной бум» неожиданно поставил Иран, одного из крупнейших поставщиков нефти на мировой рынок, в разряд «богатых» стран мира. Нефтяные доходы

выросли в 10 раз, достигнув более 20 млрд. долларов в год! Друзьям шаха удалось побудить его львиную долю неожиданно свалившихся доходов тратить на гигантские закупки вооружения в Соединенных Штатах. У границ Советского Союза создавались мощные склады современного вооружения, которое иранская армия не могла бы освоить многие годы. Возникал законный вопрос: для кого оно предназначалось? Неподалеку от границ с Советским Союзом заработали в автоматическом режиме американские разведывательные станции, начиненные ультрасовременной электронной аппаратурой, куда ни одному иранцу, даже шаху, доступ не был разрешен.

Все более ужесточалась внутренняя политика шаха. Безжалостно подавлялось всякое оппозиционное движение, вырос устрашающий всех САВАК, широко раскинувший сети по всей стране, – орган борьбы с оппозицией.

Шах провозгласил курс на создание «великой цивилизации». Древний персидский царь-завоеватель Кир стал божеством.

Баснословно богатели члены шахской семьи. Инфляция росла рекордными темпами. Но средств было много, слишком много – до разорения страны было далеко.

Почти каждый день газеты отмечали вооруженные стычки с «городскими партизанами», борцами подпольного движения. Роптало иранское духовенство, которое шах лишил многих традиционных привилегий. Начинала подавать голос и некоторая часть делового мира – он чувствовал свое выросшее значение в жизни страны и требовал участия в определении ее судеб, в управлении государством.

Отношения с Советским Союзом начали затормаживаться, все больше в речах шаха звучали нотки открытого антисоветизма. Все, что было связано с борьбой внутренних сил против шахского режима, огульно приписывалось действиям внешних сил – «центрам международного коммунизма». Усиленно внушалась мысль, что при ослаблении шахской власти в стране образуется вакуум, который постарается заполнить атеистический Советский Союз, поэтому утверждалось, что религиозным деятелям нет другого выхода, как поддерживать шаха и, следовательно, все его начинания.

Шах хотел стать вровень со своими заокеанскими друзьями-правителями. Такое признание он от них получал. Но на словах, а не на деле, и это был постоянный источник его раздражения. Шах, вместе с тем, не мог не видеть выгоды для Ирана в развитии нормальных отношений со своим северным соседом, он знал, что Советский Союз отнюдь не стремится к приобретению «сфер влияния» в Иране, но закономерно заботится о своей безопасности у южных границ. Поэтому шахское правительство шло на развитие в определенных пределах выгодного для обеих стран сотрудничества в экономической области, в контактах по линии культуры.

Связи между соседними странами всегда носят особый характер. Контакты между народами обеих стран складываются веками, интерес друг к другу всегда большой. С кем же жить в мире в первую очередь, как не с соседями? Народы соседних стран связывают как бы незримые нити, особенно если связи были интенсивными в прошлом. Прошедшее живет в последующих поколениях и трудно забывается.

В Иране помнят не только нижегородские ярмарки, участие в которых давало иранским купцам выход в Европу. Уже давно велся взаимовыгодный торговый обмен, в котором Советский Союз являлся самым значительным покупателем как товаров традиционного иранского производства, так и нарождающейся национальной промышленности. Западные же страны покупали главным образом лишь иранскую нефть. Миллионы тонн грузов в Иран поступали из западноевропейских стран через территорию Советского Союза. По всей стране высятся зерновые элеваторы, построенные при содействии Советского Союза. Когда западные партнеры отговаривали иранцев от создания своей тяжелой промышленности, в первую очередь черной металлургии, и отказали им в содействии в этом деле, Иран обратился к Советскому Союзу. В Исфахане уже много лет действует первенец иранской тяжелой промышленности – металлургический комбинат с полным циклом производства, созданный с помощью Советского Союза,

сотни советских специалистов помогают в его эксплуатации, ведут работы по расширению мощностей комбината. С советской помощью был построен крупный металлообрабатывающий завод в Араке, заводы крупнопанельного домостроения, мощные электростанции, работают геологические экспедиции, электрифицирована железная дорога между пограничной станцией Джульфа и центром иранского Азербайджана – древним городом Табризом. Работает судоходная линия, связывающая Баку с иранскими портами на южном побережье Каспия, помимо перевозки по железной дороге грузов курсируют вагоны прямого пассажирского сообщения Москва – Тегеран, самолеты «Аэрофлота» и «Иран эйр» регулярно летают между столицами обоих государств.

Крупнейшим даже по мировым масштабам объектом стал газопровод из Ирана в Советское Закавказье, по которому ежегодно подавалось до 10 млрд. куб. м газа, выделяющегося при добыче нефти на промыслах в южных районах Ирана. Ранее этот газ попросту сжигался. Поставками газа Иран расплачивался за содействие, оказанное Советским Союзом в строительстве крупных промышленных и энергетических предприятий Ирана.

Десятки лет существовала в Тегеране благотворительная больница советского Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, пользовавшаяся доброй репутацией у иранцев, особенно у неимущих слоев. Она обслужила уже многие миллионы иранцев, и о ней знали в самых глухих провинциях страны. Русские врачи всегда были известны и уважаемы в Иране, даже в давние времена ни одна русская научная или торговая экспедиция в Иран не обходилась без участия врача, который бесплатно помогал иранцам.

Русская иранистика всегда принадлежала к числу всемирно известных научных школ, посвятивших себя изучению древней культуры иранских народов...

Все это, конечно, перебирается в памяти, а тем временем за окном самолета пейзаж сменился. Вместо заснеженных кавказских вершин под крылом проплывает цвета охры почти без всякой растительности иранская земля. Границ между государствами, когда находишься в воздухе, не ощущаешь. Изредка видны тонкие извилистые нити-ручейки, немногочисленные речки. Иногда на поверхности земли замечаются прямолинейные и зигзагообразные точечные пунктиры, как будто кто-то штопором проковырял землю, оставив у отверстий бугорки земли, – это колодцы подземной системы водоснабжения «ганаты» – главного средства орошения крестьянских полей...

Слева видны заснеженные горы хребта Эльбурс. На их белом фоне возникает коричневое, неестественно толстое пятно. Оно висит у белого склона горы на большом протяжении на фоне величественного снежного пика Демавенда – потухшего вулкана, самой высокой горы Ирана. Еще несколько минут – и под бурой массой на земле различаются строения. Это Тегеран, а над ним отбросы дыхания города, где около 4 млн. населения и более миллиона автомашин. Чем же дышат там, внизу?

Посольство СССР

Еще с 1915 года российское посольство расположилось в парке Атабека площадью около 12 га. Говорят, пару десятков лет назад парк находился на северной окраине города, теперь он оказался почти в центре. Город, его деловая и наиболее богатая часть, разрастался к северу – поближе к горному хребту, более прохладным местам с чистым воздухом.

В 1977 году одна из улиц, ограничивающих посольство, носила имя Черчилля, поскольку на противоположной ее стороне находится английское посольство, где во время Тегеранской конференции разместился премьер-министр Великобритании. (Странное дело: русское и английское посольства, меняя с ходом времени свое местоположение, тем не менее находились рядом друг с другом. Англо-русское соперничество в давние времена как бы находило свое воплощение и в этом факте.) После победы иранской революции 1979 года улица была переименована, получила название «Нефле-ле-Шато» по названию парижского предместья, где проживал короткое время в конце 1978-го – начале 1979 года аятолла Хомейни. Перпендикулярно этой улице к воротам посольства выходила улица Сталина, которая после революции 1979 года получила название улицы Мирза Кучек-хана – по имени хана северных провинций Ирана, поднявшего восстание против шаха в 20-х годах. Рядом проходит магистраль – улица Хафеза, названная в честь великого персидского поэта, которая также не избежала послереволюционных преобразований – в 1982 году была переименована в улицу Единства.

Вблизи советского посольства много домов, лавочек и церквей, принадлежащих армянам, – признак естественного тяготения армян к своей родине.

В глубине парка – служебные и жилые дома, резиденция посла. Среди плакучих ив, у вечно журчащего маленького фонтанчика с небольшим голубым водоемом – бронзовый памятник А.С. Грибоедову работы русского скульптора Балашова, построенный на средства, собранные в русской колонии в Иране к 70-летию со дня гибели русского дипломата и великого поэта (памятник был открыт в 1902 году). Поэт-дипломат в спокойной позе сидит в кресле, слегка наклоненная голова, в правой руке листок бумаги, левая – на подлокотнике с гусиным пером. Кажется, на минуту оторвался поэт от письма, задумчиво перечитывает написанное. Что это – послание любимой жене грузинке Нине Чавчавадзе, оставшейся в Табризе? Постамент сделан из гранита, привезенного из Грузии.

В то время парк орошался подземным ганатом, который брал воду где-то в километрах тридцати в горах, проходил под всем городом, радостно выплескивался на территории парка. Вода чистая, использовалась даже для питья. Позднее лихорадочное и беспорядочное строительство города привело к многочисленным завалам ганата, и он перестал функционировать. На территории парка пришлось соорудить две скважины с насосами, подающими воду с глубины более 90 метров.

Конечно, парк с тысячами деревьев – вековые сосны, платаны, шелковица, инжир, акация, орех, рододендроны, олеандры, магнолии – стал роскошью в центре города. Летом, когда в жару за 40 °С, здесь всегда температура на 3–4 градуса ниже, чем в городе. Чувствуют это даже обитатели близрасположенных домов.

Со временем дома на территории посольства подверглись реконструкции, но сохранился мемориальный зал, в котором проходили заседания «большой тройки» в доме, который в свое время служил апартаментами для проживания президента США Рузвельта.

В вестибюле служебного входа, где ранее был главный вход, две большие с золотыми буквами мемориальные мраморные доски, одна на русском и английском, другая на персидском языке – в честь исторического события, свидетелями которого были стены здания.

На высокой 15-метровой мачте на фоне заснеженных гор развевается Государственный флаг Советского Союза.

На севере города, в районе, называемом Зарганде, который ранее был дереvушкой, – летняя резиденция в лесистом парке.

Здесь прохладнее, поскольку высота больше (около 1700 м). Старинное – желтое с белым – здание бывшей российской миссии, где еще в начале века находили убежище и члены шахской семьи, когда в стране возникали беспорядки; множество гигантских редкостных по величине платанов, которые наверняка были свидетелями событий «до Грибоедова», журчит вода из ганата и арыков, густая листва почти закрывает все небо, и кажется, что нет дымного, промышленного и суматошного Тегерана. (Кстати говоря, неподалеку располагается и летняя резиденция английского посла.)

Первые шаги

Шах распорядился «поскорее принять советского посла», и вручение ему верительных грамот уже назначено через неделю – на 19 февраля. Это на дипломатическом языке также означает жест: шах, видимо, хочет продемонстрировать расположение. Об этом на следующий день пишут и газеты.

19 февраля, яркий солнечный день, на улице, несмотря на зиму, температура более плюс 20 °С. В саду посольства бьет высокий фонтан, на ступенях парадного подъезда ковровая дорожка. В 9.30 прибыли чины протокола дворца в черных расшитых золотом мундирах, со шляпами-треуголками с плюмажем. Послу предоставляется автомашина шаха. Посол в форменной одежде, военный атташе также в своей парадной форме, остальные советники в непривычных для них фраках. В сопровождении эскорта мотоциклистов кортеж направляется через весь город на север, к Ниаваранскому дворцу.

У ворот дворца двое служителей в голубых средневековых камзолах с серебряными булавами встречают и провожают во двор, где выстроен воинский почетный караул. Оркестр исполняет Государственный гимн Советского Союза. Прохождение вдоль строя, где солдаты держат винтовки «на караул», а офицеры салютуют саблями; поклон – знак уважения к воинскому знамени и благодарность начальнику караула.

Во дворец по ступеням наверх вводят гуськом идущие церемониймейстеры двора также в расшитых золотом мундирах. Во внутренних помещениях встречает главный церемониймейстер двора – Гариб, человек знакомый, поскольку он был иранским послом в Японии. С облегчением снимаются фуражки, белые лайковые перчатки. В небольшом салоне угощают традиционным иранским чаем. На стенде большой ковер – искусно вытканый портрет шаха.

Двое в голубом распахивают обе половинки дверей. Первым в залу входит Гариб и громко объявляет: «Его превосходительство чрезвычайный и полномочный посол Союза Советских Социалистических Республик!»

Впереди большая зала, переливаются огнями украшенные мелкими зеркалами потолок и стены. Громадный персидский ковер, по бокам двумя рядами гражданские адъютанты шаха в парадной форме. В глубине – одиноко стоящая фигура шаха в военной форме, справа от него и чуть поодаль – замминистра двора, слева – министр иностранных дел. Оба в парадной форме с золотом, при шпагах, в полусогнутой руке треугольные шляпы со страусовыми перьями.

На расстоянии нескольких шагов от шаха остановился. Зачитываю приветственную официальную речь, в которой говорится о желании нашей страны жить в мире и дружбе с соседним иранским народом. Советский Союз строит свои отношения с Ираном на принципах мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства, взаимного уважения и дружбы. Развитие отношений между обеими странами не только отвечает интересам наших народов, но и служит вкладом в дело мира во всем мире. В речи выражается уверенность, что взаимовыгодные отношения между СССР и Ираном получают свое дальнейшее развитие.

Вручил шаху свои верительные грамоты и отзывные грамоты на моего предшественника, он передал их министру иностранных дел, пожал послу руку, а затем произнес речь. Он выступает также за развитие отношений с Советским Союзом, приводит много хороших примеров того, что уже достигнуто в этих отношениях.

Затем шах пригласил для приватной беседы в отдельную комнату вместе с министром иностранных дел.

В беседе шах деловит. Он начинает беседу первым и говорит долго и не столь официально. Дело еще и в том, что с шахом я хорошо знаком лично: встречался в Москве, сопровождал во время его длительной поездки по Советскому Союзу, дважды бывал в Иране.

Иран, подчеркивает шах, – независимое государство и древняя страна. Другие государства, у которых за плечами всего 100–200 лет истории (намек на США, отмечавшие 200-летие своего образования), не могут понимать национальных устремлений Ирана. В Советском Союзе это понимают, мир – стержень его внешней политики, и поэтому если бы Иран мог выбирать соседей, то он выбрал бы Советский Союз. Иран преисполнен решимости идти по пути экономического и социального развития, для этого у него есть все – большое население, природные богатства, деньги. Но для развития страны нужен мир, а для этого сегодня нужно быть сильным (вот оно – оправдание гигантских закупок вооружения). Он спокоен за свои северные границы, но за других соседей, например за Турцию, поручиться не может, она входит в НАТО и поэтому может быть связанной при принятии решений, затрагивающих ее национальные интересы.

Если Советский Союз относится с пониманием к необходимости развития Ирана, говорит он, то другие видят в нем лишь источник получения нефти. Но он проучил западные страны, пытавшиеся бойкотировать иранскую нефть, когда поднял на нее цену, он заставит западные страны искать новые источники энергии. Заключая рассуждения, шах выражает готовность встретиться с советским послом для более подробной беседы.

Шах

О шахе Ирана Мохаммеде Реза Пехлеви написаны книги, он и сам писал о себе, излагал свои взгляды на историю Ирана, интерпретировал в нужном ему духе события, довольно охотно давал интервью журналистам, в основном, кстати говоря, западным. Есть на Западе даже «романы», где выведен шах. Это, как говорят, льстило его самолюбию, хотя шах и был показан не всегда в приглядном свете.

Шах изображался и как всевидящий пророк, и как теряющийся в трудных ситуациях простой смертный; решительный государственный деятель и человек, подверженный страшным колебаниям; деспотичный, жестокий человек и деятель; заботящийся о судьбе страны; глубоко религиозный по натуре и предающийся низменным увлечениям; мистик и разносторонне образованный; человек с чувством реализма и бесплодный мечтатель. Все это, однако, больше относится к категории личных качеств, которые, может быть, и представляют интерес, но не являются первостепенными.

Объективный факт состоит в том, что шах Мохаммед Реза Пехлеви в силу исторического случая правил в отпущенный ему историей период в древней стране с населением более 30 млн. человек, где шли процессы развития в соответствии с объективно существующими законами жизни человеческого общества. Однако до конца своей жизни шах, по всему видно, не понимал, какие силы двигают развитием общества, поэтому он и не понял, почему его свергли.

Шах, казалось, действительно обладал в стране неограниченной властью. Но над чем и над кем? Да, в Иране не перечили шаху парламент – меджлис и сенат, была создана единая для «всех иранцев» политическая партия, носившая пышное название «Растахиз» («Возрождение»). Действительно, прямые указания шаха выполнялись, казалось, беспрекословно. Но... Жизнь все-таки шла своей дорогой, часто помимо воли шаха.

Быстро растущая промышленно-торговая верхушка общества исподволь требовала политической власти; многочисленный традиционно-бюрократический государственный аппарат топил в бесконечных проволочках некоторые полезные начинания; не было ни малейшего энтузиазма от формально-показной, направленной на возвеличивание шаха деятельности «Растахиза», которую только условно можно было называть партией. С промышленным развитием страны рос рабочий класс, неизбежно проникали в его среду идеи социального равенства; несмотря на небольшое улучшение условий жизни трудящихся в виде роста зарплаты, отсутствие безработицы, становящиеся доступными многие предметы потребления, иранские трудящиеся все больше осознавали непрочность всей системы правления, во главе которой стоял шах.

Не прекращалась подпольная борьба, проявлявшаяся время от времени в вооруженных стычках с властями групп, как тогда говорили, «городских партизан», или «исламских марксистов» – членов строго законспирированных организаций «федаев» и «моджахедов иранского народа». Особо сильными были антишахские настроения среди учащейся иранской молодежи как в самой стране, так и за границей. Затаило особое недовольство иранское шиитское духовенство, его традиционное влияние и положение было ограничено новым «образом жизни» по западному образцу, который усиленно насаждал шах. Духовенство, конечно, не решалось на открытые выступления, но мечети зачастую становились местами, где иногда можно было высказывать недовольство.

Да, многое в стране действительно зависело от шаха, иранская монархия выглядела перед внешним миром прочной и, казалось, несокрушимой, опиралась на мощный аппарат САВАК, жандармерию и армию, она пользовалась и неграмотностью народа. А во внешнем мире союзниками шахского Ирана были крупнейшие западные государства, и в первую очередь США.

Шах правил государством, но не мог управлять теми силами, которые помимо его воли действовали против монархического строя и, следовательно, против него лично.

...Советского посла шах принимал довольно охотно, и в беседах с шахом затрагивались самые разнообразные вопросы, нравились они ему или нет. Шах неплохо ориентировался в международных проблемах, был информирован в общем, хотя часто и необъективно, о положении дел в стране, некоторые вопросы, в том числе экономические, знал довольно детально. Одним словом, имел свою точку зрения, стремился показать это; если нужно – во многих случаях принимал сразу решения, иногда говорил, что посоветуется. Держался всегда спокойно, демонстрировал уверенность, и только в последних встречах – осенью 1978 года, когда страну потрясли революционные волнения, – была видна его явная растерянность и непонимание глубины происходящих событий.

Принимал один, обычно в одном из кабинетов Ниаваранского или Саадабадского дворца. В штатском костюме, стоя, приветствовал входящего, предлагал сесть на диван, сам садился в кресло справа, сбоку. Слуги в ливреях подавали неизменный чай с лимоном, пятясь задом, удалялись, начиналась беседа, инициативу в которой шах оставлял посетителю.

Шах хорошо владел французским и английским языками, говорил спокойно, подбирая точные слова, уверенно, обычно не показывая эмоций. Хорошо реагировал на шутки. Внешне проявлял демократизм. По окончании беседы шах всегда провожал до дверей, вежливо прощался.

Вопросы советско-иранских отношений занимали в наших беседах главное место – как принципиального порядка, так и сугубо практические, разумеется, наиболее крупные из них. Подход шаха к отношениям с Советским Союзом был, пожалуй, прагматическим. Он понимал важность для Ирана нормальных отношений со своим северным соседом, стремился использовать их для развития Ирана, укрепления положения страны. Понимал, что с нами отношения могут строиться только на взаимовыгодной основе. В этом плане он был вполне реалистом.

Такие крупные объекты, как Исфahanский металлургический комбинат, газопровод, строительство крупных электростанций, были в поле его зрения. Часто чувствовалось, что шах находится под влиянием неточной информации, поставляемой иранскими руководителями, однако он был готов выслушать контрдоводы, рассмотреть информацию другой стороны о положении дел, даже прислушаться к советам. Одно время, например, замедлились работы по расширению Исфahanского завода, главным образом ввиду нехватки рабочей силы, назревала угроза серьезного срыва графика работ. Наши неоднократные обращения к руководителям Иранской металлургической корпорации и премьер-министру успеха не имели, в своей информации шаху они стремились, как водится, переложить вину на советскую сторону, выискивая различные мелочные придирки. Мы посоветовали шаху, коль дело с рабочей силой обстоит так остро, привлечь к строительным работам армейские подразделения – все равно ведь армия ни с кем не воюет. Шах сказал, что подумает, и через некоторое время мы узнали, что им было отдано соответствующее распоряжение.

Был даже и курьезный случай. Через нашу летнюю резиденцию в Зарганде проходил арык с улицы. При его входе, в стене была поставлена решетка, чтобы задерживался уличный мусор. Этот мусор уборщики муниципалитета часто не убирали, образовывался затор, заливало улицы. Вместо того чтобы очистить решетку, эти уборщики часто выламывали ее, грязь и мусор разносились по всей нашей территории. Многочисленные жалобы и обращения в муниципалитет, в том числе и к тогдашнему мэру Тегерана Никпею, не помогали.

Однажды после очередного вылома решетки и полного засорения территории в Зарганде я был у шаха. Что-то нездоровилось. Шах, видимо, заметил, спросил, как настроение. Ответил, что плохое, вспомнил про Зарганде, рассказал, но ничего у него не просил. Шах посмеялся, сказал в шутку: «А вы Никпея пригласите на завтрак в Зарганде среди мусора». Я ответил, что, наверно, придется так и поступить.

Никпоя я уже пригласил ранее на обед в посольство. Когда он через пару дней прибыл вечером, то радостно сказал: «Все в порядке, господин посол, вся речка Зарганде будет отныне забетонирована!» Я спросил, зачем и почему мне это нужно знать. Никпоя удивился и рассказал, что два дня тому назад ему поздно вечером позвонил шах и приказал немедленно привести в порядок реку или поток возле резиденции советского посла в Зарганде. Вот он, Никпоя, уже и начал бетонировать всю речку. Мы ахнули: это зачем еще? И объяснили Никпоя, что вопрос всего-навсего в очистке решетки, как мы ему раньше и говорили. Но он сказал: «Хорошо, решетку будем чистить, но и речку забетонируем, раз шаху об этом уже доложено».

Иногда шах просил дать ему перечень наиболее важных вопросов, затронутых в беседе, которые необходимо было решить. Большинство вопросов, как правило, решалось в положительном плане, иногда к скрытому неудовольствию правительства, которое считало себя задемым. Но другого выхода не было – дремучая иранская бюрократия, укоренившаяся с незапамятных времен, сильно тормозила развитие страны, наносила ущерб конкретным делам в наших двусторонних отношениях.

С иранскими видными промышленными и экономическими деятелями я постарался познакомиться поскорее. Из них самое большое впечатление произвел энергичный Рахим Ирвани. С первых встреч они единодушно подчеркивали необходимость прямых контактов с шахом по крупным вопросам. «Здесь все решает шах, – говорили они, – все правительственные чиновники лишь плохие исполнители его воли».

Безынициативность и робость государственного аппарата, чем часто раздражался шах, были, однако, порождены самим шахом, самой системой, при которой решение всех крупных вопросов принадлежало ему лично. Создавался своего рода заколдованный круг.

Однажды после принятия шахом решения о сотрудничестве с нашей страной в строительстве крупнейшего в Азии механического завода в Эсфараанхе, которое противоречило настроениям правительства, премьер-министр Ховейда пожаловался шаху, неосторожно сказав, что советский посол, дескать, в беседе с шахом «пошел против решения иранского правительства». Шах ответил ему, что это он – шах – изменил решение своего правительства, а посол, как он сказал, был в беседе с ним просто «весьма убедителен».

Конечно, никакие крупные соглашения не могли быть заключены без согласия шаха. Даже такой вопрос, как создание ирано-советской смешанной торговой палаты, за которую выступали иранские деловые люди (ее первым президентом стал Рахим Ирвани), стремившиеся к развитию торгово-экономических связей с Советским Союзом, мог быть окончательно решен только после одобрения шахом, поскольку этому противилась та влиятельная часть иранских промышленников, которая была тесно связана с западными странами.

Шах обращался часто с просьбой информировать его о положении дел в торгово-экономических отношениях, советовал побольше ездить по стране, бывать на объектах экономического сотрудничества да и вообще изъявлял готовность выслушивать критические замечания по поводу иранской экономики, строительства, транспорта. Иногда «в минуты откровения» он говорил об искаженной информации, которую он получает, о бюрократизме государственного аппарата. «Скажите, пожалуйста, – спросил он однажды, – есть ли в Советском Союзе бюрократизм и волокита, и если есть, то как вы с ними боретесь».

Я со вздохом ответил, что, к сожалению, такие печальные факты имеются. Эффективной мерой борьбы могло бы быть привлечение народа, общественности к контролю за деятельностью аппарата учреждений, против явлений бюрократизма и волокиты. Почему бы вам не попытаться привлечь народ к делу контроля, например, за соблюдением лавочниками установленных правительством розничных цен на товары первой необходимости?

Шах, помолчав, заметил, что для Ирана этот способ не годится, он лучше будет усиливать «шахскую инспекцию», наделять ее еще большими полномочиями. Действительно, время от времени «шахская инспекция» привлекала к суду, наказывала нескольких наиболее зарвав-

шихся в жажде наживы торговцев или промышленников, чиновников, бравших наиболее крупные взятки, – таких, которых уже нельзя было не привлечь к ответственности. Однако такие меры, разумеется, были недостаточными – вся система экономики страны была заражена коррупцией. Шах не мог и не хотел рушить саму систему.

В некоторых международных проблемах была и близость точек зрения, например, о сохранении достигнутой такими большими усилиями разрядки международной напряженности, международных мер по остановке гонки вооружения, созданию в мире «справедливого экономического порядка». Конечно, на поддержку таких мер на международной арене шаха подталкивали различные соображения. Он, видимо, представлял себе опасность, которую таило для Ирана гипотетическое столкновение Соединенных Штатов с Советским Союзом. Он понимал губительные последствия для Ирана оказаться, как он говорил в беседах, «между молотом и наковальней», чем грозило вовлечение Соединенными Штатами Ирана в свои военные планы. Говорил об этом нам, но... фактически содействовал военному проникновению США в Иран к южным подступам Советского Союза, да и в своих интервью западным, особенно американским, журналистам открыто называл себя наиболее верным союзником США. Такова уж была своеобразная «логика» иранского монарха.

Однако он чувствовал, что к позиции Советского Союза надо иногда прислушиваться. Появлению, например, нейтронной бомбы в США шах первоначально не придал особого значения. В беседах говорил, что все равно никого запрет нейтронной бомбы не спасет, коль скоро в арсенале имеется мощное термоядерное оружие. Наши доводы о необходимости идти по пути сокращения видов наиболее смертельного оружия, а не их расширения все же возымели свое воздействие. Большую роль в этом сыграла и широкая международная кампания против нейтронного оружия. Шах изменил свою точку зрения.

Шах придавал значение усилиям Советского Союза к созданию зоны безопасности в районе Индийского океана, т. е. в районе, непосредственно примыкающем к Ирану, однако поддержка им этой ценной инициативы была половинчатой. Он не хотел, в силу своих союзнических обязательств перед США, признавать наличие угрозы, создаваемой в этом районе американскими вооруженными силами.

Поддерживая в целом советские инициативы по разоружению, шах тем не менее в частных беседах пытался и оправдывать нежелание стран НАТО идти на серьезные переговоры по этой важнейшей проблеме. «Они же вас боятся, – откровенно говорил он. – Что же НАТО может противопоставить вам – длинноволосых голландских солдат-наркоманов?»

Шах весьма заботился о том, чтобы слыть в международных делах поборником правого дела, несомненно, учитывая широкую международную популярность движения в мире против войны, за справедливый экономический порядок. На так называемых совещаниях «Север – Юг» Иран выступал в поддержку развивающихся стран. Он даже говорил в беседах, что рискует получить кличку «коммуниста». Такая позиция шаха, конечно, была рассчитана и на смягчение критики жестокого внутреннего режима, установленного им в стране. С нескрываемым раздражением он говорил о критике Ирана со стороны США и других империалистических государств относительно нарушения «прав человека» в Иране. Уходил он от этой критики довольно своеобразно. Он сам переходил в наступление: «Какое имеют право критиковать меня те страны, – говорил он, – которые сами подавляют свободы человека не только внутри своих стран, но подчиняют себе и эксплуатируют целые страны!»

И все-таки, проявляя на словах доброжелательное отношение к развитию отношений с Советским Союзом и во многих случаях практически содействуя этому, шах где-то внутри себя всегда ощущал инстинктивную боязнь. Именно эту сторону его характера и мышления подогревали его заокеанские друзья, подбрасывая фальшивую информацию о «коварных намерениях» Советского Союза. То в беседе он скажет, что вот, мол, имеются сообщения о каких-то передвижениях войск, непонятной активности на советской стороне границы с Ираном.

Конечно, все это оказывалось выдумкой. То обронит мимоходом, что он знает об источниках волнений внутри страны – замешаны, мол, коммунисты, направляемые из «международных коммунистических центров». Правда, оговорится, что эти «центры» расположены в Западной Европе.

Революцию 27 апреля 1978 года в Афганистане шах поначалу воспринял спокойно. «Я знал, что режим Дауда должен был пасть, – говорил он, – но не думал, что это произойдет так быстро. Мы будем развивать отношения с Афганистаном, если новое афганское правительство хочет добрых отношений с нами». Однако спустя некоторое время, когда над шахом поработали его западные «советники», тон изменился. «Как же нам не опасаться событий в Афганистане, – с притворной озабоченностью восклицал он, – если вашей армии осталось до теплых морей всего около 400 км?» Конечно, приходилось терпеливо и подробно давать разъяснения, которые воспринимались шахом, но, видимо, не надолго – усиленно работала направленная дезинформация, рассчитанная на боязнь шаха коммунистических идей, и следовательно Советского Союза.

Попытки извне помешать советско-иранским отношениям были наглядно видны, и, конечно, нельзя было обойти вниманием в беседах с ним эти вопросы.

Шах и по его поручению премьер-министр Ховейда настойчиво пытались внушить нам мысль, что тесные отношения Ирана с США, в том числе в военной области, – дело временное, они, дескать, нужны только на период становления Ирана на собственные ноги, Иран лишь хочет использовать США, взять от них все, что можно, и ни о каком ущемлении иранского суверенитета речи быть не может. «Пускай американцы обучат нас владеть оружием их производства, после этого мы их выгоним», – говорил он мне. Когда, например, был затронут вопрос о возможных последствиях для Ирана закупки в США самолетов дальней электронной разведки АВАКС, шах пытался уверять, что эти самолеты нужны Ирану ввиду сложности горного рельефа страны! Его внимание, конечно, было обращено на то, что радиус разведывательной деятельности этих самолетов может покрывать значительную часть советской территории, а обслуживать-то эти самолеты, как известно, будут американцы. Не противоречит ли это его неоднократным заявлениям о том, что Иран – дружественная Советскому Союзу страна и иранская территория не будет использоваться в ущерб безопасности северного соседа? Кроме того, разве не ясно, что и в данном случае имеет место стремление переложить на Иран бремя громадных финансовых издержек по разработке и производству самолетов АВАКС (Иран должен был стать первой страной, которая приобрела бы в США эти самолеты, в то время как западноевропейские союзники США благоразумно воздерживались от их покупки)?

Шах пытался маневрировать, заявлял, что он не допустит, чтобы американские пилоты обслуживали эти самолеты во время выполнения заданий. Это, конечно, было неубедительно, ведь срок обучения экипажей предусматривался в 5 лет! А что будет, если такой самолет «случайно» залетит из Ирана на территорию Советского Союза? «Сбивайте их», – хладнокровно предложил шах. Через некоторое время было объявлено об отказе Ирана покупать самолеты АВАКС под предлогом сокращения военного бюджета ввиду экономических трудностей страны. Позднее США опять поднажали на шаха, он вновь заколебался. А потом революция смела эти планы.

Верил ли шах в то, что ему удастся сохранить свою независимость, несмотря на тесный союз с США? Из бесед складывалось впечатление, что известная доля уверенности в этом у него была. Она, пожалуй, исходила из иллюзий шаха считать, что западные союзники рассматривают его как равноправного партнера, он «равный среди великих мира сего». Однажды, пытаясь доказывать, что участие Ирана в военном блоке СЕНТО, наличие громадного аппарата американских советников не связывает его руки при принятии решений, особенно в критических случаях, шах утверждал, что всегда последнее слово останется за ним – «американцы меня слушаются».

Задал ему вопрос: а если в критический момент их интересы возьмут верх над интересами Ирана, интересами лично шаха – что будет тогда?

Шах ответил, что такая ситуация исключается, его положение достаточно прочное.

Как же он должен был чувствовать себя, когда в опубликованных незадолго до смерти мемуарах ему пришлось писать, что американцы выкинули его из страны как «дохлую мышь»?

Вообще шах болезненно воспринимал любые действия, которые показывали, что его западные союзники, особенно руководители западных государств, не считают его равным себе. Особенно его раздражали почему-то англичане. Ховейда рассказывал мне, что у шаха в спальне была лишь одна фотография, более всего любимая им: шах в Швейцарии стоит на балконе своего шале, смотрит вниз, а к нему поднимаются в гору, невольно горбясь, английские министры.

Оглядываясь назад, можно сказать, что советско-иранские отношения во времена правления шаха имели определенное развитие в различных областях. Отношения были довольно интенсивными, но в них, конечно, не могло быть искренности, мешали западные «друзья» шаха.

Шах в беседах часто комментировал международные события, давал свои оценки политике отдельных стран. Любопытными были его замечания по поводу США, с которыми он хотел быть в равноправных союзнических отношениях. Видимо, не все было гладко в этих отношениях, это прорывалось в его замечаниях, хотя, конечно, следовало иметь в виду, что шах учитывал – с собеседником из какой страны он ведет разговор.

Он не раз говорил, что у него гораздо больше трудностей в отношениях с США, чем с какой-либо другой страной, едко высмеивал кампанию в «защиту прав человека», которую вела администрация Картера. Чувствовалось, что с приходом Картера к власти в ирано-американских отношениях первоначально наступил некоторый холодок. Никсон и Киссинджер были явно более по душе шаху, чем Картер и Бжезинский. Шах хотел встретиться с Картером, послал даже шахиню в США для подготовки своего визита, однако поездку в США мог осуществить только в ноябре 1977 года – через год после прихода к власти Картера.

Во время пребывания шаха в США состоялись бурные антишахские демонстрации. По иранскому телевидению показывали церемонию встречи шаха на лужайке Белого дома. Шах вытирал слезы, но не от избытка чувств – рядом полиция разгоняла демонстрантов, обильно применяя слезоточивый газ.

Его личный друг – иранский посол в США Захеда – устроил контрдемонстрацию, прошахскую, не жалел денег, чтобы свезти в Вашингтон нанятых для этой цели иранцев, проживающих в США. Однако это не улучшило результаты визита. Шах подозревал американские власти в попустительстве антишахским демонстрантам. Он не мог себе представить, как это американская администрация с ее мощными спецслужбами не могла обеспечить ему достойный прием. Он даже начал подозревать, что американцы не очень-то рассчитывают на прочность шахского престола, это следовало из его замечаний в беседах со мной после возвращения из США.

Поскольку переговоры с Картером в чем-то, видимо, не ладились, шах прибегнул к оригинальному способу давления.

В один из дней, когда шах находился в США, мне по телефону позвонил тогдашний премьер-министр Амузгар, находившийся в Тегеране. Разговор был необычным, тем более что он велся по городскому телефону, который, как хорошо знал шах и Амузгар, прослушивался иранскими спецслужбами, где было немало числе американских советников, т. е. практически американцами.

Амузгар сообщил, что шах вызвал его по телефону из Вашингтона и просил передать советскому послу его положительные решения по ряду крупных вопросов советско-иранских отношений, в том числе о закупке в нашей стране ракет (!) (хотя об этом ранее и речи не было). Решения шаха и новые просьбы к Советскому Союзу как бы свидетельствовали о том,

что Иран собирается идти на серьезное улучшение своих отношений с Советским Союзом. Никакой срочности в передаче таких решений, тем более по открытому телефону, не было, ясно, что это была своеобразная демонстрация перед США «независимости» шаха.

Возникли, видимо, и разногласия относительно получения Ираном в США новых, самых современных видов вооружений. Шах позднее говорил, что ему «клещами приходится выдирать оружие от США», многое ему не ясно в политике новой администрации – «речей много, но дел мало», он видит алчность США и других западных стран, но ему, уверял он, нужно выиграть время для развития страны, пока есть у Ирана большие деньги.

В то же время в открытых интервью западной печати он проводил мысль, особенно накануне своей поездки в США, что Иран может обойтись без американцев, но где вот США найдут себе такого друга, как Иран.

Сами американцы, однако, не раз ставили шаха в затруднительное положение. В октябре 1977 года Нельсон Рокфеллер после встречи с шахом перед отъездом из Тегерана заявил в интервью газетчикам, что военная мощь Ирана нужна не столько Ирану, сколько самим США, самолеты АВАКС будут проданы Ирану не потому, что они нужны Ирану, они нужны США (!) – и далее в таком же духе.

Не стеснялись американские журналисты задавать шаху и такой вопрос: каково «политическое завещание» шаха, кто будет править Ираном «после него»? – явно давая понять, что за рубежом среди тех, кого шах называет «друзьями», не очень-то верят в долговечность его правления.

Недовольство американцами в результате визита в США шах сорвал на... Дании и Италии. В этих странах иранские студенты провели антишахские демонстрации и захватили на время иранские посольства, где учинили разгром. Датчане арестовали молодежь и выслали ее из страны, итальянцы приговорили захватчиков к нескольким неделям заключения и также выслали их из страны. Таким образом, нападавшие фактически не понесли наказания.

Шах был взбешен: датские и итальянские власти не смогли предотвратить захвата «шахиншахских» посольств, т. е. нанесения оскорбления лично ему. Торгово-промышленная палата Ирана объявила об экономическом бойкоте Дании и Италии. Иранские власти отдали соответствующие распоряжения: прекратилась таможенная обработка грузов из этих стран в Иран и из Ирана, иранские банки приостановили платежи и т. д.

Датский министр иностранных дел поспешил в Тегеран к шаху с извинительным письмом, лично написанным королевой, итальянцы также принесли извинения на высоком уровне. «Наказывать» американцев шах не решился, слишком велика была его зависимость. К тому же опять на шаха действовала дезинформация из-за рубежа.

В одной из бесед он с большим раздражением говорил об активности антишахской оппозиции за границей. «Я знаю, – сказал он, – что все эти террористы находятся на службе США и ФРГ. Но вот мне докладывают, что и коммунисты причастны к «террористической деятельности», мне говорили, что демонстрации в США – это дело рук коммунистов. Пришлось, конечно, обстоятельно разъяснить шаху об отношении настоящих коммунистов к терроризму и анархизму.

Подбрасывали шаху и «информацию» о якобы имеющихся «планах» Советского Союза относительно расчленения Ирана, для пущей достоверности даже приводили «детали» этих планов: удар Советской армией на Мешхед и далее на юго-запад к нефтяным районам Ирана.

Вряд ли верил шах в достоверность такой, с позволения сказать, «информации», но что-то у него оставалось в голове. Он не рисковал заводить разговор на такую тему с советским послом, только однажды обмолвился, когда в стране уже разгоралось оппозиционное движение, что ему часто говорят о наличии таких планов. Источники такой «информации» были ясны. Поэтому я рассказал шаху, что в одной из бесед с новым американским послом Салливаном я спросил посла, почему американские корреспонденты задают шаху подобные прово-

кационные вопросы. Посол, не смущаясь, ответил, что о таких «планах» Советского Союза утверждали еще германские нацисты! Американский советник-посланник Миклош уточнил, что об этом говорил Риббентроп (?!). Он поинтересовался: разве шах не поднимал в беседах со мной эту тему?

Конечно, пришлось высмеять моих американских собеседников и подивиться примитивности их пропаганды. Сказал им, что уж никак не мог ожидать, что американцы, бывшие союзниками в борьбе с гитлеризмом, будут использовать против Советского Союза грубую нацистскую ложь!

Шах, выслушав, рассмеялся и заметил, что нынешние американцы слабы по части истории, да и вообще у них мало чувства исторических традиций и общей культуры.

В высказываниях во время бесед шаха часто находила отражение его идея о том, что Ирану предначертано играть ведущую роль в регионе, для этого он и должен быть сильным, даже патроном таких государств, как, например, Пакистан. Приход в Индии к власти коалиционного правительства на смену Индире Ганди его встревожил. Он с насмешкой говорил «о вестминстерской демократии» в Индии, опасался неустойчивости ее внутреннего положения, которая может привести к очередному крупному конфликту с Пакистаном. «Я не могу допустить поражения Пакистана, – заметил он. – За Пакистан вступится и Китай – что тогда будет?»

В беседах по вопросам арабо-израильского конфликта шах был, конечно, на стороне соглашательской политики Садата. «Надо дать ему шанс», – говорил он, отмечая, что у Ирана издавна были хорошие отношения с Израилем и что для создания палестинского государства на Ближнем Востоке просто нет места. В этих вопросах он был полностью в фарватере американской политики.

Вместе с тем шах с опасением наблюдал за укреплением отношений США с Саудовской Аравией, что входило в американские планы на Ближнем Востоке. Шах с тревогой отмечал появление новых видов американского вооружения у Саудовской Аравии, строительство военных аэродромов. Это создавало потенциальную угрозу положению Ирана как доминирующему государству в регионе – на кого же делают ставку США, на Иран или на Саудовскую Аравию? Этот вопрос немало занимал его.

Шах наладил отношения с Ираком, заключив с ним в 1975 году соглашение о прохождении границы не по иранскому берегу реки Шатт-эль-Араб, что ранее вызывало большие трения между обоими государствами, а по тальвегу. Он признался в беседе, что это соглашение было заключено им ценой отказа Ирана от поддержки курдского движения в Ираке.

Одним словом, шах стремился вести активную внешнюю политику, опираясь на США, маневрируя в своих отношениях с Советским Союзом и другими странами. Идея создания «великой цивилизации» владела им, пожалуй, до последних месяцев перед своим изгнанием. Но для этого нужно было иметь послушную страну, которая развивалась бы по начертанным им планам. А как оказалось, шах не осознавал тех глубоких процессов, которые шли в его собственной стране.

Для характеристики внутреннего положения страны приведем несколько выдержек из обзора английской газеты «Файненшл таймс», который был опубликован еще 25 июля 1977 года. Эту английскую газету нельзя заподозрить в антишахских настроениях, а ее суждения весьма примечательны.

«Каждый довольствовался тем, что мог получить от строя – взятки, комиссионные, надувательство правительства при сборе налогов, маленькие махинации и большие надувательства, а взамен отдавали очень немногое. Никто серьезно не проявлял беспокойства, за исключением некоторых чиновников и отдельных заинтересованных бизнесменов, о том, что существует нехватка рабочей силы, что деньги тратились попусту на легковесные проекты, что строительство важных предприятий отставало по срокам на год. Некоторые бизнесмены сами предпочитали не заглядывать в будущее, а переводить прибыли на банковские счета в Швейцарии,

использовать их на покупку домов в Лондоне, квартир на юге Франции или ферм в Калифорнии.

До какой степени может рисковать шах, – писала газета, – обостряя отношения с городской и промышленной рабочей силой, замораживая зарплату и сокращая продовольственные субсидии, когда рост инфляции весьма невысокий, а рост квартплаты превышает требования о повышении заработной платы? До какой степени шах может позволить себе отталкивать растущий средний класс – будущее его индустриализированного общества – замораживая цены на товары и, таким образом, не поощряя инвестиций? До какой степени можно сократить военные расходы без того, чтобы не вызвать недовольства военных, которые являются в конечном счете гарантами его власти?

Для этой новой и сложной стадии развития, – советовала газета, – шаху нужен некоторый вид диалога с нацией. Ему нужно быть готовым передать часть своей власти и ответственности. Однако вся система власти восстает против этого. Шах формулирует всю политику, не имеется никаких институтов, даже менее горстки личностей, которые могли бы дать критический совет, не беспокоясь за свое положение. Чиновники не желают брать на себя инициативу и прячутся за щитом бюрократии, а при сомнении стремятся преувеличивать то, что они интерпретируют в качестве воли шаха. В этих обстоятельствах однопартийная система, введенная в марте 1975 года, потерпела крах, поскольку никто не готов поверить, что она может играть конструктивную роль и формулировать политику.

Америка является самым важным союзником, и поддержка шаха со стороны США была ключевым элементом в обеспечении стабильности режима».

Весьма примечательно, что шах в беседах с советским послом редко затрагивал внутреннее политическое положение страны, а если высказывался на этот счет, то его замечания были поверхностными, отражали стремление представить дело так, что страна уверенно развивается по начертанным им планам, что есть, конечно, неизбежные трудности роста, может быть, не все идет гладко, но народ, как он говорил, доволен: «мне целуют руки, когда я появляюсь в толпе».

Он ссылаясь на то, что предприниматели получают большие барыши, в стране все больше становится автомобилей, у крестьян – сельскохозяйственных машин, рабочие покупают акции предприятий и т. д. Если где-то проявляется недовольство, то это результат происков «иностранных агентов» – истинные иранцы должны понимать его планы.

Шах закрыл все существовавшие политические партии буржуазии, не говоря уже о левых партиях и организациях. «Они только беспринципно грызлись друг с другом за власть», – говорил он. Партия «Растахиз» – это партия «всех иранцев», полностью поддерживающая все начинания шаха; кто не поддерживает шаха и партию «Растахиз» – тот не иранец.

Когда весной 1978 года в стране разгорелись волнения, и даже буржуазия начала настойчиво требовать свободы политических партий, шах первоначально пытался сманеврировать. В партии «Растахиз» было создано два крыла: «прогрессивное» и «конструктивное». Это, конечно, была игра в демократию. Ничем принципиально эти «крылья» друг от друга не отличались, но видимость политической борьбы создавалась. Вскоре и эта уловка оказалась бесплодной.

В одной из бесед я поинтересовался: как может единая партия служить политическим интересам всего народа, она же не может отражать совершенно отличные друг от друга взгляды различных слоев этого народа?

На этот раз шах промолвил, что он, кажется, ошибся в своих надеждах на партию «Растахиз». Будет разрешена деятельность и других партий, сказал он неуверенно, он готов даже разрешить деятельность партии «Туде», с каким-то вызовом ответил он. «Но условие одно: признание незыблемости монархии». И, поясняя свою мысль, сослался на то, что поскольку партии будут бороться за право послать депутатов в парламент, то депутаты должны принимать присягу на Коране на верность не только нации и исламу, но и монарху.

Об отказе от монархии шах явно не думал. Такая мысль никогда не приходила ему в голову даже после изгнания.

Свои преобразования, начатые в 60-х годах, шах назвал «белой революцией», а его пропагандисты присвоили ей громкое название «революции шаха и народа». Конечно, принципы «белой революции» представляли собой шаг вперед в развитии Ирана.

Шах гордился этими преобразованиями, приписывал им несоразмерно большое значение. Вообще многие меры всегда представлялись им в раздутых размерах. Он справедливо указывал, например, на истощаемость иранских ресурсов нефти. (В Иране их 10 млрд. тонн, в Саудовской Аравии – 25 млрд. тонн.) Говорил, что цена на нефть низка. «Что же это! – воскликнул он однажды, – цена одной тонны нефти такая же, как цена тонны кока-колы! Но кока-колу можно изготавливать в любых количествах – надо лишь выращивать орешек, а нефть – невозпроизводимое ископаемое». И вот шах дает разрешение бурить скважину на нефть десятикилометровой глубины – сейчас это нерентабельно, потом, через 2–3 года, цены наверняка поднимутся. И дает указание строить в стране ни много ни мало, а 23 атомные электростанции, тогда они будут давать 50 % всей электроэнергии!

Внешне, проводя различные помпезные и баснословно дорогостоящие мероприятия, как, например, коронация или празднование 2500-летия основания персидской империи, шах стремился лично казаться скромным, обыкновенным человеком, добрым семьянином. Наряду с прижизненными памятниками по всей стране в учреждениях, конторах, лавках – повсюду были развешаны отличные, художественно исполненные громадных размеров цветные фотографии шахской семьи – с шахиней и детьми. Во время различных церемоний, поездок в провинции в программе пребывания шаха всегда предусматривалось «общение с народом» – малозначащий разговор с двумя-тремя простыми иранцами, знаки внимания. Шах с удовлетворением рассказывал, что он отказался в пользу «народа» от лично принадлежавших ему дворцов в Тегеране – Мраморного дворца и Негеристан – и рекомендовал их посетить.

Перед концом

В одной из бесед в середине 1978 года, когда разгорались массовые волнения, страна потрясалась мощными забастовками и на улицах уже лилась кровь, я спросил шаха, в чем он видит причину волнений. Шах опять сослался на подстрекательство извне. Я спросил его, были ли он когда-нибудь на юге Тегерана, где проживает беднота, неимущие слои, т. е. большинство населения. Шах неуверенно ответил, что да, был, но поспешно добавил: «правда, давно» – и поинтересовался, почему я говорю об этом.

Я ответил, что там особо видна резкая разница между севером, где живут богатые, и югом, где ютятся бедняки. И вся страна, образно говоря, делится на север и юг. Юг требует своих прав, он видит, как живет север.

– Не думаю, что это так, – сказал шах. – В чем вы видите причину волнений и беспорядков в стране?

– Мне, конечно, менее известно положение в стране, чем вам, – ответил я, пытаюсь уклониться от разговора на эту щекотливую для шаха тему.

Но шах настаивал.

Я решил быть кратким.

– Хорошо. Насколько мне представляется, Иран из феодализма пошел быстро по пути капиталистического развития. Вы самими своими реформами усиленно толкали страну к этому. Народился класс предпринимателей, которые чувствуют свое значение и силу в экономике и, естественно, требуют полноправного участия в управлении страной. Иранские трудящиеся также чувствуют свое значение в жизни страны и свою силу. У них есть свои требования, в том числе и касающиеся участия в управлении государством. Этих требований вам не избежать, таков закон развития.

Шах промолчал, поблагодарил за откровенность, но сказал, что он с этими выводами не согласен: все люди в стране, кроме бездельников, богатеют и хотят быть более богатыми – вот что их занимает. Причина волнений в чем-то другом – в кознях его врагов, в том числе и духовенства, которое хочет вернуть страну в Средневековье, в деятельности подстрекателей, прибывших из-за границы.

Верил ли он в то, что говорил? Думаю, да. Любопытно было узнать, что через день, рано утром, южные районы Тегерана с большой свитой осматривал премьер-министр Шариф-Имами по поручению шаха. Что же нашел на юге Тегерана советский посол?

...Последняя встреча с шахом состоялась в октябре 1978 года. Шах начал беседу первым и с необычной темы. Он не понимает, что происходит в стране. Шах пространно говорил, что он хотел делать для страны только хорошее, чтобы она быстро развивалась. С горькой усмешкой он заметил, что написал книгу «К великой цивилизации», он и сейчас верит в то, что в ней излагал. Но цели «великой цивилизации», увы, кажется, оказались недостижимыми, он «что-то недоучел», но что? «Где причина моей ошибки?» – с каким-то отчаянием воскликнул он. – Придется остановиться». Странно, удивлялся он, что не оказалось и духовного единства народа, а ведь цели его, шахского, правления были такие благородные. Наверно, поэтому и «Растахиз» как партия распалась. (О «Растахизе», как показалось, он заметил с каким-то отвращением.)

Все пошло вразброд, продолжал шах, все «чего-то требуют». Массовые забастовки фактически парализовали страну, но ведь требования забастовщиков физически невозможно удовлетворить. «Вы ранее подтолкнули к мысли, – сказал он, – о необходимости улучшать жилищные условия людей. Мы ввели дотации к зарплате на квартплату, а это фактически оказалось перекачкой государственных средств в карманы домовладельцев. Я пытался пресечь спекуляцию домами, а они (это были: интересно в устах шаха – «они»! кто это такие «они», ужель шах

не всеилен?) отменяют эти меры. Я сажаю спекулянтов, которые взвинчивают цены, а они их выпускают на свободу!»

Шах посетовал на непомерное число возникших политических партий (около 70), но, к сожалению, говорил он, дело сводится к крикливым лозунгам, продуманных программ нет. Может быть, останется две-три партии; если все пойдет нормально. В июне следующего года будут проведены выборы в парламент, он будет тогда назначать премьер-министра по партийному принципу – от той партии, которая будет иметь большинство в парламенте. Однако все дело в том, будет ли нормальная обстановка в стране. Беспорядки и разлад могут настолько усилиться, что «события выйдут из-под контроля» и власть возьмут в свои руки военные.

Я перебил шаха и спросил: могут ли военные прийти к власти без его, шаха, согласия – ведь он Верховный главнокомандующий, разве армия ему не верна?

Шах помолчал, а затем ответил:

– Они могут меня не послушаться. Так случается во многих странах в аналогичных ситуациях. Это будет очень плохо. Военная диктатура будет, конечно, означать застой в развитии страны. Но так, к сожалению, может случиться. – Помолчав, шах почему-то почти шепотом, с какой-то истерической нотой в голосе промолвил: – Но я не хочу больше крови, слишком много ее уже было пролито.

Внезапно шах спросил:

– Скажите, а что бы вы сделали на моем месте?

Я невольно рассмеялся:

– Ваше величество, я – сын ленинградского рабочего, никогда шахом не был, какой я могу дать вам совет?

– Ну а все-таки, чего требуют забастовщики, вам известно? – продолжал допытываться шах.

– Вы знаете лучше их требования. Кстати говоря, на Исфаханском металлургическом заводе и в Министерстве культуры, насколько нам известно, среди требований фигурируют и такие, как удаление саваковцев, приводятся даже их списки. Требуют и изменения внутривнутриполитического курса, выхода из военного блока СЕНТО и вступления Ирана в движение неприкосновенности. Разве это не разумные требования?

– Это вы интересно сказали насчет саваковцев. Я не знал об этом. Значит, они доигрались. А насчет выхода из СЕНТО – это ничего не решает.

– Это многое решает. Ваша страна освободится от привязки к военным планам западных держав, следовательно, укрепится независимость страны.

– Я и так выступаю за независимость и в последней речи в сенате говорил об этом. К сожалению, военные расходы придется сократить, другого выхода нет.

Шах вновь перешел на внутреннее положение: нет людей, которые вывели бы страну из тупика. Если и объявляются претенденты на роль премьер-министра, то только из желания занять этот пост и подчинить себе все и вся, как, например, Амини, который хочет лишь властвовать и даже командовать армией.

Я заметил:

– Говорят о возможности вашего отречения...

– Да, – быстроотреагировал шах, – я знаю, есть такие люди, которые хотят этого.

– Где – внутри страны или извне?

Шах замялся:

– И там и там.

– Теперь мой вопрос к вам, – сказал я. – Как вы думаете, что будет дальше?

– Не знаю... Но я получаю послания с поддержкой от Картера, Жискара д'Эстена, Каллагана, Шмидта, от Садата... Поддерживать-то все они меня поддерживают, – протянул далее шах, – а что делать-то – не говорят...

Распрошались...

Ехал домой и думал: шах не знает, что действительно происходит в стране, но чувствует глубину и размах происходящего. Понимает, ему нужно предпринимать какие-то меры, но не видит их. Монархи, наверно, все одинаково думают в критические моменты. События идут мимо шаха, вне его воли, и решения правительством уже принимаются помимо него. Он – пленник событий, а не их повелитель. Армия – все еще надежда, да и в ней он сомневается. А заокеанские друзья, видимо, ведут двойную игру – поддерживают шаха, но уже ищут ему замену ради обеспечения своих интересов.

16 января 1979 г. шах покинул страну, чтобы больше уже не возвращаться. Еще четыре месяца он цеплялся за ускользающую власть, но история уже вынесла свое решение – Ирану не быть больше монархией.

Шахская семья

Значительную, хотя и меньшую роль в «делах монархических» играла и шахская семья, особенно шахиня Фарах.

Шахиня приняла меня с женой в одной из комнат, была одета в скромное платье, что контрастировало с моей официальной одеждой, предписанной протоколом шахского двора: визитка – черный, долгополый сюртук и серые с черным в полоску брюки.

Держалась шахиня немного нервно, разговор особого значения не имел, перескакивал с одной темы на другую: о недавнем землетрясении, нынешней погоде, системе образования в Иране, музее каджарского искусства. Мы старались помочь ей и держали инициативу в беседе. Шахиня несколько раз брала за сигареты, которые находились на столике в маленькой коробочке, по виду как обычно оформляют... Коран. Она стремилась показать себя гостеприимной хозяйкой. Поскольку за несколько дней до визита я по просьбе шаха направил ему для просмотра кинофильм-балет «Спартак» и нам уже этот фильм с благодарностью после просмотра вернули, мы поинтересовались впечатлениями хозяйки о фильме. Шахиня ответила, что она не видела фильм, даже не знала о нем. Поскольку мы, наверное, не могли удержаться от выражения удивления, шахиня как-то небрежно пояснила, что «он» (шах), наверно, смотрел фильм, у него ведь больше свободного времени, а я занята, он вообще больше смотрит кинофильмов, по ночам. От этой реплики как-то мгновенно нарушилось впечатление о доброй семейной идиллии, которую усиленно внушали сотни тысяч семейных портретов шаха, где все с такими счастливыми улыбками...

Позднее, примерно через год, Ховеида, ставший уже к тому времени министром двора, но все еще веривший в шаха, в неофициальной беседе, доказывая преданность шаха своему делу, небрежно щелкнул по стоявшей на столике фотографии шахини и сказал: «Шах не любит ни ее, ни детей, у него лишь одна любовь в жизни – это Иран». И во время другой беседы с шахиней, на острове Киш, когда мне пришлось сидеть с ней рядом за обеденным столом, она так же много и нервно курила, вынимая сигареты из бисерной с бриллиантами сумочки, и так же как-то отчужденно говорила о своем муже-шахе.

Трудно, конечно, делать суждения о семейной жизни шаха, да и вряд ли это нужно и интересно, но в целом складывалось впечатление, что шах и шахиня жили каждый какой-то своей, отдельной и неестественной жизнью. Когда в решающие дни нарастания революции шах колебался, не зная, что предпринять, что противопоставить угрожавшей трону опасности, стало широко известно, что шахиня настойчиво требовала от него проявления твердости.

Во времена монархии шахиня проявляла большую активность, патронируя различные мероприятия по линии культуры (поскольку училась в Париже на архитектора), образования и благотворительности. Она направлялась в простой одежде в районы, пострадавшие от землетрясений, принимала различных общественных деятелей – в общем, была на виду. У нее были собственная канцелярия и секретариат, которые занимались всеми ее делами.

Проявляли активность и другие члены шахской семьи – сестры и братья шаха, с которыми также доводилось встречаться. Особо выделялась его сестра, принцесса Ашраф, – двойня шаха. Эта энергичная женщина, о личной жизни которой рассказывали самые необычные истории, возглавляла различные фонды, принимала участие в качестве представителя Ирана в международных конференциях, в деятельности ООН. Подобно шахине, как говорили, Ашраф критически относилась к слабости шаха, требовала твердости.

Старшая сестра шаха – хрупкая и изящная принцесса Шамс – была патронессой иранского «Общества Красного льва и Солнца», организации, аналогичной Красному Кресту в других странах. Шамс – сводная сестра шаха, родилась от другой жены Реза-шаха. Она сопровождала отца в ссылку после его отречения в 1941 году, сначала в Индию, потом в Южно-

Африканский Союз. О перипетиях отца и грубом обращении с ним англичанами она рассказывала нам с большой горечью.

Шамс имела свой дворец, специально построенный километрах в сорока от Тегерана в районе города Кередж. Это было прямо-таки невероятное сооружение в виде полусферы, как спиральная ракушка, плюхнувшаяся в открытом поле. Внутри – огромное помещение, свет льется из застекленного матового потолка, посредине – тропические деревья, плещется водопадами по голубым изразцам теплая водичка в искусственных водопадах, летают птички, влажный, как в бане, воздух. По внутренним стенам полусферы спирально вверх идет пандус, по бокам двери. Все, что может быть позолочено, блестит золотом, даже дверные ручки, диск и трубка телефона.

Брат шаха – принц Голям-реза – занимал богато обставленный особняк в центре города. Он считался главой спортивного движения Ирана, но занимался бизнесом – имел фабрики и заботился о своих доходах.

Выгодно от других членов шахской семьи отличался младший сводный брат шаха – принц Абдор-реза. Это был страстный охотник с научным уклоном. Он изъездил чуть ли не весь мир, добывал все виды пород круторогих горных баранов. Всегда подтянутый, веселый, спортивного типа человек, он был неизменно приветлив, энергичен. Расстелив прямо на полу географические карты, мы вместе рассматривали места обитания этих горных баранов, полную коллекцию которых хотел иметь Абдор-реза.

Все члены шахской семьи зависели от шаха, вернее, от прочности его положения, в чем они, разумеется, не сомневались. Собирались, как говорят, часто вместе пообедать, играть в карты, жили хотя и в разных местах, но фактически одной семьей. Однако бросалось в глаза, что на людях вели себя в отношении своего брата протокольно-официально и даже в личных беседах, ссылаясь на шаха, называли его не иначе, как «его императорское величество».

Шах долго ждал появления сына – ему нужен был наследник всех своих дел, которые он затеял в стране. Долго сына не было, что явилось одной из причин расторжения двух предыдущих браков шаха. С появлением сына Резы, названного так в честь деда, шах воспрянул духом. Наследник обучался в иранской школе, усиленно занимался спортом – увлекался футболом, как и сам шах в детстве. Когда немного подрос, стал, по настоянию отца, учиться авиационному делу, чтобы владеть вождением самолета – модное хобби сынов монархов. Впрочем, может быть, шах вспомнил, как его умение пилотировать самолет спасло жизнь ему и семье, когда пришлось однажды бежать в Багдад от волнений, потрясших Иран во времена Моссадыка? Реза овладевал пилотированием все более сложных самолетов. Однажды во время моей беседы с шахом зазвонил телефон, всегда молча стоявший на столике рядом с креслом шаха. Шах извинился, взял трубку. Звонил сын, сообщил: только что совершил успешный самостоятельный вылет без инструктора на реактивном истребителе «Фантом». Отец был явно доволен. «Бросили ли тебя в бассейн с водой?» – спросил шах. (Такова была традиция «крещения» после самостоятельного вылета.) Сын ответил, что его облили водой из ведра. Шах посмеялся. Когда шах посетил в ноябре 1977 года США, одним из «результатов» его визита была договоренность о завершении летной подготовки сына в военно-воздушных силах США. Американцы явно заблаговременно нацеливались на будущего монарха.

Понемногу наследника стали приучать выполнять кое-какие государственные функции: шах послал его в поездку по Советскому Союзу, а через несколько лет в качестве почетного гостя Садата – на церемонию прохождения первых судов по Суэцкому каналу после его расчистки вслед за арабо-израильским вооруженным конфликтом 1973 года.

Шаху не удалось оставить вместо себя наследника – не успел, хотя внутренне он к этому готовился в качестве последующего шанса спасти монархию. Он отослал сына в США раньше всех из членов шахской семьи. В изгнании наследник давал интервью: «Я готов управлять Ираном, меня этому учили всю жизнь». Однако добавлял: «Я готов – если попросит иранский

народ». Провозглашение молодого Реза шахом в Каире после смерти отца ничего в его положении не изменило.

Ховейда

Шахский режим в Иране был, конечно, целой системой правления со множеством звеньев, одним из важнейших было правительство, деятельность которого, естественно, в значительной степени определялась личностью его главы – премьер-министра. В течение последних 13 лет главой правительства был Амир Аббас Ховейда – несомненно, незаурядный, талантливый и хорошо известный во всем мире деятель, со сложным и разносторонним характером, которого, увы, ждал трагический конец.

С Ховейдой я познакомился еще в 60-х годах, когда он приезжал в Советский Союз, беседовал с ним и во время поездок в Тегеран до моего назначения послом в Иран. Поэтому встреча с ним в феврале 1977 года была весьма дружественной, как старых знакомых. Это обстоятельство, конечно, облегчало мою работу в Тегеране.

Ховейда разделял идеи шаха о будущем страны, был им предан, поэтому был предан и лично шаху. Зная это, шах предоставлял ему весьма широкие полномочия. Можно сказать, что Ховейда был как бы талантливым интерпретатором идей шаха и, что очень важно, в своем поведении и высказываниях проявлял известный либерализм и своего рода демократичность, что значительно смягчало остроту жестких принципиальных решений шаха. Он был хорошо образован (учился в Париже), свободно владел французским и английским языками, был неизменно общителен, остроумен. Неудивительно, что Ховейда пользовался большой популярностью на международной арене, среди деятелей, равных ему. В подходах к решению практических вопросов был достаточно гибок и, чувствовалось, имел большое влияние при принятии шахом тех или иных решений до середины 1977 года, когда его положение покачнулось.

В отношении Советского Союза Ховейда в целом проводил линию шаха – идти до определенной степени на развитие связей с нами, используя эти связи в интересах прежде всего Ирана, в частности для давления на США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.